

какъ, по ихъ воплю, посылаетъ грозу на враждебный міръ. *Θυμίαμα*, приданный къ молитвамъ Святыхъ для благопріятнаго приношенія ихъ предъ Бога, есть благоуханіе Св. Духа; ибо *приношеніе* вѣры становится совершенно *благопріятнымъ* Богу не иначе, какъ *бывъ освящено Духомъ Святымъ* по вѣрѣ во Христа (Рим. XV, 16). Ангелу дано *множество* такого *ѳиміама* для предложенія его съ молитвами всѣхъ Святыхъ на жертвенникъ предъ Самого Бога. Это значить, что нѣкоторые изъ небесныхъ чистыхъ духовъ имѣють своимъ служеніемъ споспѣшествовать молитвамъ Церкви благодатию, нарочито имъ для сего даруемою,—и именно восполнять ея недостатокъ въ молитвахъ, очищать ихъ отъ примѣси всякой челоѳической нечистоты и т. д. Одна изъ священныхъ и библейскихъ (хотя не каноническихъ) книгъ нарицаетъ и имя одного изъ такихъ небесныхъ споспѣшниковъ молитвъ, возсылаемыхъ Святими и вѣрующими. *Азъ есмь Рафаилъ, единъ отъ седми святыхъ Ангелъ, иже приносятъ молитвы святыхъ и входятъ предъ славу Святаго* (Тов. XII, 15).

Прочія принадлежности явленія легко изъясняются изъ общаго его смысла. *Златая кадильница* въ рукахъ Ангела, приносящаго молитвы Святыхъ, есть духовное и таинственное вмѣстилище, сосредоточивающее въ себѣ молитвы всѣхъ вѣрующихъ,—вмѣстилище, конечно, самой мысли и любви этого безплотнаго Служителя Божія. *Огнь*, на жертвенникѣ спасающей вѣрныхъ Божіей любви и есть огнь самой этой любви,—простертой на вѣрующихъ и отвращающейся противящихся. *Дымъ ѳиміама*, восходящій предъ Бога съ молитвами Святыхъ, представляетъ молитвы вѣрующихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ, очищенные и возвышенные чрезъ св. Ангела, наконецъ удостоиваются совершенно благоволительнаго призрѣнія Всесвятаго и Всевышняго. Такова тайна явленія сама по себѣ. По образу этого небснаго явленія устроены тотъ чинъ Церкви, что освященные служители Бога и Церкви, какъ Ангелы предстоящіе жертвеннику Божію, возносятъ молитвы за всѣхъ вѣрующихъ къ Богу предъ Его престоломъ и вмѣстѣ жертвенникомъ.—Какое же, по Апокалипсису, частное приложеніе такой общей тайны духовнаго міра и Церкви?—*Вси Святые*, молитвы которыхъ съ ѳиміамомъ благодати вознесены Ангеломъ на жертвенникъ, суть безъ сомнѣнія тѣ вѣрующіе, которые должны были терпѣть

отъ вражды языческаго міра или, какъ намъ уже можно и слѣдуетъ точнѣе и прямѣе сказать, Греко-Римской Имперіи: ибо, въ отношеніи къ судьбамъ и именно къ наказанію этого враждебнаго міра, Тайнозритель видѣлъ Ангела съ молитвами Святыхъ. И притомъ это суть вѣрующіе, которые уже терпѣли озлобленія отъ Греко-Римской Имперіи языческой въ то время, какъ послѣдовало настоящее откровеніе: ибо первое явленіе, по вскрытіи печати съ книги судьбъ Божіихъ по отношенію къ языческому міру, и было явленіе седми Ангеловъ съ трубами и иного Ангела съ молитвами Святыхъ. А настоящее откровеніе, которымъ снималась печать съ книги судьбъ относительно языческаго міра, дано къ концу царствованія Нерона.

Итакъ подъ молитвами Святыхъ, въ разсматриваемомъ мѣстѣ Апокалипсиса, разумѣются молитвенные воули Христовой Церкви того времени, когда на ней отяготѣлъ крестъ Неронова гоненія. Отсюда можно угадывать и самый предметъ этихъ молитвъ: среди ужасовъ гоненія, когда убивали или заточали самыхъ первыхъ изъ святыхъ Апостоловъ, когда сады тиранна освѣщались ночью чрезъ зажженныя тѣла Святыхъ и проч., свойственно было Церкви вопіять о защитѣ отъ такой свирѣпости врага. И вотъ послѣ сообщенія настоящаго откровенія, спустя то получасовое время, о которомъ выше уже была рѣчь, т.-е. около послѣднихъ дней жизни и царствованія этого тиранна,—такія молитвы Святыхъ, при посредствѣ небеснаго Служителя, должны были достигнуть того, что Вседержитель пріялъ ихъ съ совершеннымъ благоволеніемъ и слѣдовательно съ готовностью исполнить самый предметъ молитвенныхъ желаній—праведное отмщеніе свирѣпымъ врагамъ Церкви. Такъ *взять Ангелъ кадильницу и наполни ю отъ огня сущаго на олтари, т. е. какъ выше показано, отъ огня самой любви Божіей, ревнующей за своихъ возлюбленныхъ,—и поверже на земли: и быша гласи и громы и блистанія и трусь.*

Гласи и громы и блистанія и трусь, т.-е. „гласы, и громы, и молніи, и землетрясеніе“: выше безмолвіе, предъ такой страшной грозой, значило не безмолвіе природы предъ грозой, а обманчивую тишину государства, при которой сосредоточивалась готовая разразиться гроза; слѣдов. и эти *гласи и громы* и проч. значать грозу, потрясающую собственно

также не природу, а государство. Подобнымъ образомъ выше подѣ образомъ потрясенія неба и земли, представляющаго зрѣлище, повидимому, наступающей кончины міра (VI, 12 и слѣд.),—выражено собственно окончательное паденіе Иудейской Теократической національности и разрушеніе священныхъ ея памятниковъ и учреждений. Исторія совершенно оправдываетъ такой смыслъ и настоящаго видѣнія относительно Греко-Римскаго міра. Вотъ краткій очеркъ событій, послѣдовавшихъ затѣмъ, какъ Неронъ среди увеселеній Греціи услышалъ о готовомъ открытій всеобщемъ неудовольствіи. „Вмѣсто того, говоритъ историкъ (Лоренцъ), чтобы осторожностію и кротостію устранить этотъ взрывъ, онъ самъ своими мѣрами ускорилъ его“. Одинъ изъ отличнѣйшихъ военачальниковъ того времени и правитель Испаніи (Гальба), узнавъ, что Неронъ осудилъ его на смерть, отказалъ ему въ повиновеніи: въ то же время другой правитель провинцій (Юлій Виндексъ) поднялъ знамя бунта въ Галліи; къ сему послѣднему присоединился и третій—правитель Лузитаніи (Отонъ). Открылась было междусобная война. Между тѣмъ и преторіанская гвардія въ Римѣ, оставила тиранна. Наконецъ, и самый Сенатъ возвысилъ свой голосъ противъ Нерона, объявилъ его врагомъ отечества. Неронъ самъ себя лишилъ жизни, а съ нимъ прекратился царственный домъ Цезаревъ. Потрясеніе коснулось и Востока, потому что по поводу сихъ событій—Веспасіанъ, среди успѣховъ и побѣдъ Римскаго оружія, долженъ былъ остановить военныя дѣйствія противъ мятежныхъ Іудеевъ.—Такъ грозой сихъ событій поражена была не только глава Греко-Римскаго языческаго міра, вооружившагося противъ христіанской Церкви государственною властію, но и потрясенъ былъ весь составъ сего міра—не только въ средоточіи—въ Римѣ, но и въ важнѣйшихъ составныхъ частяхъ—Испаніи, Галліи и самаго Востока. Съ прекращеніемъ царственнаго дома престолъ оставался въ жертву новыхъ смятеній. Такъ надъ симъ міромъ были „гласы, громы, молніи и землетрясеніе“. Исторія засвидѣтельствовала это; а Тайнозритель еще прежде этихъ событій—видѣлъ и самыя событія, сверхъ того раскрылъ и самую основную тайну ихъ, непримѣчаемую мудростію мірскою. Вся эта гроза произошла вслѣдствіе того, что Ангель, вознесшій молитвы Святыхъ съ еиммамомъ на прене-

бесный мысленный жертвенникъ предъ Бога; — огоньъ сего же самага жертвенника повергъ на землю. Вотъ отъ чего гонитель Церкви, который самъ сознавалъ всю безпримѣрность своего самовластия и свирѣпаго произвола, которому раболѣпствовалъ Сенатъ и рукоплескалъ народъ, за котораго были Римскіе легіоны, — единственный въ царственномъ роду, всѣми признанномъ и свое имя Цезаря завѣщавшемъ и послѣдующимъ за нимъ властителямъ, — вдругъ поражается вѣстями о повсюдномъ противъ себя мятежѣ, всѣми оставляется и спѣшитъ предотвратить дальнѣйшую народную месть самоубійствомъ...

Это праведное отмщеніе враждебнымъ язычникамъ, по молитвамъ Святыхъ, было только началомъ суда Божія надъ языческимъ міромъ, и слѣдовательно открывало поприще и для служенія семи Ангеловъ, уже получившихъ назначеніе дѣйствовать при совершеніи сего суда Божія. *И семь Ангеловъ; уже имѣяху семь трубъ, уготовашася, да вострубятъ* (ст. 6). Итакъ сама Церковь, за которую и для которой имѣлъ совершаться судъ Божій надъ (всемирною почти для того времени) Греко - Римской Имперіей язычества, — должна была своими молитвами дать поводъ къ открытію сего суда. —

Разсмотримъ теперь и самыя явленія, въ которыхъ представляется этотъ судъ надъ язычествомъ, облеченнымъ въ безпримѣрное государственное могущество:

И первому Ангѣлу вострубившу, бысть градъ и огонь, смѣшанны съ кровію, и падоша на землю; и третья часть древа погорѣ, и всякая трава злачная погорѣ (7 ст.).

Нужно здѣсь прежде всего рѣшить: въ какомъ смыслѣ, собственномъ или иносказательномъ, должно понимать явленіе такой казни надъ землею, равно какъ и явленіе трехъ послѣдующихъ казней надъ моремъ, надъ рѣками и источниками водными и надъ небесными свѣтилами? Самая физическая неудобоприложимость такихъ напр. явленій, каковы погорѣніе всей земной травы, обращеніе третьей части моря въ кровь, и совершенная неумѣстность въ физическомъ мірѣ такого явленія, какъ паденіе горячей подобно свѣтильнику звѣзды, именуемой *полынь*, на третью часть рѣкъ и источниковъ, показываютъ уже, что такія явленія здѣсь имѣютъ значеніе не собственное, а иносказательное. Что же касается

до свѣтила небесныхъ, — то солнце и по уязвленіи или омраченіи третьей своей части, ниже представляется напротивъ до чрезвычайности палящимъ человекѣвъ своимъ жаромъ (XVI, 8—9); а выше свѣтила небесныя уже были на таинственномъ зрѣлищѣ—именно въ смыслѣ иносказательномъ (VI, 12—13). Наконецъ самое настоящее зрѣлище казней открылось тишиною, смѣнившееся потомъ громами и молніями и проч. не въ природѣ, а въ государственныхъ событіяхъ Греко-Римскаго язычества, какой смыслъ оправдывается и самими событіями. Слѣд. и продолжающіяся въ томъ же родѣ явленія, какъ *градъ*, *огнь* и проч. должны имѣть также символическое значеніе по отношенію къ состоянію той же Греко-Римской языческой Имперіи. А что открываемыя тайны облакаются въ образы и символы, это во 1-хъ, согласно съ таинственностію настоящей книги: ибо сколько доселѣ мы разсмотрѣли эту книгу—постоянно почти встрѣчались съ символами, будемъ постоянно встрѣчаться и послѣ; во 2-хъ, это не противорѣчитъ и духовному прямому откровенію истины въ Новомъ Завѣтѣ; ибо существо благодати и истины въ настоящемъ зрѣлищѣ, и въ предъидущихъ, равно какъ и въ послѣдующихъ, открыто прямо и совершенно, какъ есть. Въ первомъ, напр., видѣніи Христосъ явился не въ образѣ кого-либо, но Самъ въ собственномъ лицѣ (1 гл.); равно Трисвятый Вседержитель и Агнецъ зримы Тайнозрителемъ и въ откровеніи его изображены такъ, что истина Трїедиаго Божества или искупительной жертвы—открыта (4 и 5 гл.). Въ томъ и другомъ случаѣ символическія очертанія употреблены къ раскрытію только того, что иначе оставалось бы для насъ, въ нашемъ настоящемъ состояніи, непредставимо и неизобразимо. Тоже и въ настоящемъ видѣніи: духовныя силы, дѣйствующія на міръ по мановенію Вседержителя,—эти внутреннѣйшія пружины судебъ міра,—явлены въ собственномъ ихъ существѣ и духовныхъ личностяхъ. При открытіи существа дѣла, символы оказываются точно, какъ тропы или образы, употребляемые обыкновенно и въ простой загадочной рѣчи: а въ своей многосложности, они подобны новозавѣтнымъ Христовымъ притчамъ. въ которыхъ существенное (именно Царство Божіе, въ которомъ Царемъ Христосъ) достаточно обозначается.

Итакъ въ явленіяхъ міра физическаго, каковы суша съ растеніями, море, рѣки, свѣтила небесныя, — Тайнозритель созерцалъ собственно нравственный міръ въ Греко-Римской Имперіи. Раскроемъ теперь ихъ значеніе, и для того вникнемъ въ самое основаніе такого воззрѣнія на видимую природу. Первоначальное основаніе къ созерцанію въ предметахъ міра физическаго тайнъ міра нравственнаго положено въ самомъ тварномъ существѣ міра физическаго, по отношенію къ нравственнымъ созданіямъ. Въ существѣ своемъ, міръ физическій есть осуществленіе творческихъ мыслей, произведенное Зиждательнымъ Словомъ и запечатлѣнное совершительнымъ призрѣніемъ благодати Животворящаго Духа. Отсюда всѣ предметы и явленія міра физическаго, кромѣ внѣшней или наглядной своей стороны, для чистаго созерцанія нравственныхъ существъ открываютъ еще внутреннѣйшую умозрительную сторону, которую оплотявѣвшее око нашего ума можетъ опускать изъ виду, но которая открыта для чистаго духовнаго ока, для ума и духа въ нормальномъ состояніи.

Для убѣжденія въ этомъ возьмемъ во вниманіе райскую нормальную жизнь первыхъ людей, и посмотримъ, что была для нихъ видимая природа въ тѣхъ своихъ частяхъ, въ которыхъ она имѣла къ нимъ ближайшее отношеніе. Они были поставлены на избранной части земли или въ Едемѣ съ тѣмъ, чтобъ воздѣлывать и хранить его. Но воздѣлывая и храня Едемскій садъ, въ которомъ каждое явленіе являлось благодатно-понятнымъ для нихъ выраженіемъ осуществленной въ немъ Творческой мысли, прародители наши въ то же время и чрезъ это самое внѣшнее дѣланіе, воздѣлывали и блюли внутренній рай своей Богоподобной жизни: въ особенности же древа *познанія* и *жизни* выражали въ себѣ для людей: первое: Божественный законъ, другое—Богодарованныя права или благодатныя преимущества духовно-нравственной жизни. Итакъ, эта избранная часть земли, назначенная для обитанія первыхъ людей, съ своею райскою зеленью и деревьями указывали людямъ опредѣленное поприще и твердый порядокъ свободно-разумной ихъ жизни. Также пользуясь водами Едемскаго источника, раздѣлившимися въ своемъ теченіи на четыре рѣки и, притомъ духовно-разумѣвая и ощущая тайну устройства этихъ

воду Жиздительнымъ Словомъ и совершѣнія ихъ благодатнымъ призрѣніемъ Св. Духа, — чрезъ такое употребленіе воды Едемскихъ первые люди освѣжались и ободрялись, очевидно, не въ физической только или тѣлесной жизни, но и въ жизни своего духа, живнаго дыханіемъ Божиимъ. Слѣдов. воды Едемскаго источника и его рѣкъ были для первыхъ людей благопотребною и благотворною стихіею самой духовной ихъ жизни. — символомъ и даже какъбы средой живой воды или благодатныхъ вліяній Духа истины, утѣшенія, святости. Столько же несомнѣнно и то, что въ первобытномъ состояніи люди, взирая на солнце и другія свѣтила небесныя чувственными очами, въ то же время прозирали и ощущали въ нихъ осуществленіе Божественной мысли Жиздительнымъ Словомъ и запечатлѣніе ихъ призрѣніемъ благодати Божіей. Посему озаряясь отъ свѣта чувственнымъ свѣтомъ небесныхъ свѣтилъ, они, чрезъ самое вниманіе къ этому, уже духовно просвѣщались мысленнымъ свѣтомъ Жиздительнаго Слова и благодати Духа. Воздухообразное движеніе надъ землею хаотическаго вещества, по созерцанію Бытописателя, такъ проникнуто было дуновеніемъ дыханія устъ Божіихъ, что мысль объ этомъ дуновеніи выражена общимъ названіемъ *Духъ Божій* (Быт. I, 2): въ движущемся, или покоящемся (воздухъ первобытнымъ чистымъ людямъ духовно-ощутительно было и вѣяніе или успокоеніе на всемъ существѣ самого Духа Божія, Которымъ эти люди жилились и духовно дышали въ соупутствіи физическаго своего дыханія ¹⁾). Такъ въ началѣ просто и естественно было созерцать и ощущать въ предметахъ и явленіяхъ видимой природы разныя стороны и принадлежности человѣческой свободно-разумной жизни.

Изъ открытаго основанія, по которому видимая природа для чистаго взора духовнаго, должна быть столько же чистымъ зеркаломъ духовной человѣческой жизни, уже почти уяснилось значеніе главныхъ символовъ Апокалипсическаго видѣнія, съ пѣясненіемъ которыхъ удобно опредѣлить значеніе и остальныхъ символическихъ предметовъ въ этомъ

¹⁾ Сказано въ кн. Быт.: „*Госова... вдукуль въ ноздри его (человѣка) бызгаче жизни* (II, 7). Очевидно, что Божіе творческое вдуновение, обосновало и проникло самое это движеніе человѣческой жизни — дыханіе воздраніи.

видѣніи. Такъ выше раскрыто значеніе *земли* съ травою и деревьями, *воды* въ источникахъ и рѣкахъ, *солнца* и другихъ небесныхъ свѣтилъ. Но духовное значеніе этихъ предметовъ природы показано въ отношеніи къ Едемской жизни первыхъ людей ¹⁾; а Тайнозритель созерцалъ въ явленіяхъ природы тайны состояній и судебъ человѣчества и міра, уже во злѣ лежащаго. Здѣсь духовно богатое, знаменуемое природою для жителей Едема, по необходимости замѣняется естественно-мірскимъ, въ которомъ содержатся развѣ только остатки и слѣды или начатки духовно-богатнаго. Такъ обр. небесныя *свѣтила*, которыя своимъ свѣтомъ внушали прародителямъ мысль о духовно-богатомъ просвѣщеніи, о свѣтѣ разумѣнія истины, по отношенію къ міру и людямъ въ настоящемъ состояніи знаменуютъ не болѣе, какъ только вообще свѣточн. просвѣщенія, просвѣщенный или просвѣщаемый образъ мыслей и самыя начала просвѣщенія ²⁾. *Воздухъ* означаетъ самое направленіе и стремленіе общественнаго духа, движущее людей и цѣлыя народы ³⁾. *Вода* источниковая и рѣчная, которая нѣкогда въ раю составляла богатую - обновительную стихію для самаго человѣческаго духа, теперь знаменуетъ не иное что, какъ ту стихію нынѣшней человѣческой жизни, которая служитъ къ освѣженію и оживленію общественнаго и вообще человѣческаго духа, къ ободренію и освѣженію нашей частной и общественной жизни. Сюда относится все, къ чему направлены общественныя вкусъ и такъ называемыя эстетическія наклонности наши,—все въ чемъ обыкновенно полагается и большею частію людей ищется освѣжительное и ободрительное услажденіе жизни: все это есть своего рода вода для утоленія

¹⁾ Смотри объ этомъ книгу о Міротвореніи стр. 87—96.

²⁾ Самъ св. Іоаннъ Богословъ принимаетъ *свѣтъ* за синонимъ *разума*. знанія: *далъ есть намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ и проч.* (1 Іоан. V. 20). Изъ такого духовнаго воззрѣнія на *свѣтъ* сами собою объясняются въ показанномъ нами духовномъ смыслѣ, эти міровыя органы свѣта—*свѣтила*

³⁾ Такъ въ кн. Давида, сильныя и потрясающія міръ движенія стремленій народныхъ, смѣняющихъ цѣлыя великія царства одни другими, представляются, какъ сильныя движенія воздуха или вѣтры: „се четыре небесныхъ вѣтра волнуютъ великое море и четыре большихъ звѣря (царства) выходятъ изъ моря“ (VII, 2—3)

неотступной жажды человѣческой въ земномъ бытѣ¹⁾. *Земля* съ зеленью и деревьями, которая въ избранной своей части, въ Едемѣ, открывала опредѣленное отъ Бога поприще и порядокъ духовно-нравственной человѣческой жизни,—по отношенію къ жизни людей, въ настоящемъ ихъ состояніи, означаетъ все земное многосложное устройство этой жизни, какъ то: общественные порядки и обязанности, гражданскіе законы и права и т. п.²⁾ Изъ соображенія съ этими изъясненными символами удобно понять значеніе и прочихъ, взятыхъ изъ видимой природы, символовъ; ибо послѣдніе находятся во внутренней связи съ первыми. Итакъ будемъ слѣдить Апокалипсическое явленіе казней, какія назначались языческому міру, и именно, какъ изъ событій уже намъ извѣстно, Греко-Римскому языческому міру, и заранѣе были прозираемы Тайнозрителемъ въ образѣ явленій видимой природы³⁾.

И первому Ангелу вострубившу бысть градъ и огонь, смѣшенъ съ кровію, и падоша на землю; и третья часть древа погорѣ, и всякая трава злачная погорѣ. Земля, какъ выше показано, должна означать вообще земные порядки или вообще благоустройство и въ настоящемъ мѣстѣ благоустройство именно Греко-Римскаго міра. Посему *древа* на такой землѣ суть болѣе важныя и плодотворныя отрасли этого устройства; а *трава злачная*, или зеленая знаменуетъ не столь важныя, зато болѣе общіе, легкіе или облегчительныя для обитате-

¹⁾ Изъ такого духовнаго значенія воды объясняется, что „безводныя мѣста“, какъ соотвѣтственныя духовно-безжизненной безотрадности, привлекаютъ къ себѣ мятущихся духовъ ала по Евангелію (Матѣ. XII, 43).

²⁾ Такъ у Исаіи (XIV, 6—7) ниспроверженію Вавилономъ царствъ и народовъ, во всѣхъ отрасляхъ ихъ благоустройства, равнозначущи и соотвѣтственны—тревожное опустошеніе *земли* и посѣченіе *елей и кедровъ ливанскихъ*.

³⁾ Само собою разумѣется, что одни и тѣ же образы изъ природы и въ другихъ мѣстахъ Апокалипсиса изъясняются у насъ тождественно или одинаково. Исключеніе допускается только на такіе случаи, исключительность которыхъ прямо указывается, иногда притомъ съ вѣрочнымъ истолкованіемъ ихъ въ самомъ откровеніи. Такъ, напр., *семь звездъ* находясь въ исключительномъ положеніи—въ десницѣ Господа, изъясняются въ своемъ исключительномъ смыслѣ, какъ *Ангелы семи церквей* (1 гл. 20 стихи 16), или еще: *воды многія*, составляя область возсѣданія великой блудницы Вавилона, въ этомъ исключительномъ своемъ названіи и значеніи протолкованы прямо какъ *люди, и народы, и племена, и языки* (XVII, 1 сл. 15).

лей земли, обычаи, учреждения и постановления. *Градъ и огонь* суть явленія по отношенію къ землѣ опустошительныя и истребительныя; и слѣд. по отношенію къ благоустройству Греко-Римской Имперіи указываютъ на общественныя и частныя бѣдствія, имѣвшія производить вообще разстройство въ общественномъ организмѣ. *Градъ* въ особенноти, состоя изъ отвердѣвшихъ чрезъ замерзаніе дождевыхъ капель, которыя сами по себѣ назначаются для растительнаго царства, даетъ примѣнить въ своемъ образѣ указаніе на твердыя мѣры въ Имперіи, имѣвшія однако послужить не къ развитію государственнаго устройства, но въ тягость и вредъ государству; а *огнь*, стихія посядающая всякое стараемое вещество, есть символъ ярости, ищущей только пищи для себя. *Смѣшеніе* града и огня съ кровію есть само по себѣ понятное знаменіе того, что означенныя бѣдствія имѣли быть соединены съ кровопролитіемъ. По изъясненію частныхъ понятій, общій смыслъ всего явленія этой казни оказывается яснымъ. За выше провидѣннымъ и нами уже разъясненнымъ (VIII, 5) государственнымъ потрясеніемъ, соединеннымъ съ смертію перваго неистоваго гонителя христіанъ, (Нерона), первый небесный Служитель суда Божія надъ язычниками въ таинственной для насъ области духовнаго міра имѣлъ подать дѣйственный знакъ; и въ силу этого должны были открыться въ Римской Имперіи дѣйствія весьма вредныя и опасныя для всего ея благоустройства. Таковы бѣдствія: отчасти твердыя и строгія правительственныя мѣры, которыя должны были бы служить къ развитію и утвержденію порядка, но которыя въ дѣйствительности обратятся въ тягость и вредъ Имперіи, отчасти же произведутъ огненно-разрушительныя движенія: все это имѣло сопровождаться кровопролитіями. Отъ сихъ бѣдствій наиболѣе плодоносныя и важныя отрасли благоустройства въ Греко-Римскомъ мірѣ уменьшались или ослабѣли цѣлою третью противъ прежняго; наиболѣе же общія и облегчительныя учреждения и обычаи совсѣмъ утратятъ свою силу.

Въ такомъ точно состояніи и была Имперія въ первое время по смерти Нерона. Постъ него въ императорское достоинство избранъ былъ войскомъ и утвержденъ Сенатомъ Гальба, одинъ изъ военачальниковъ. Онъ отказалъ войску въ удивительной для власти денежной награды за свое израніе, прекратить разрушительныя для государства обществен-

ныя игры и увеселенія, усилившіяся особенно при Неронѣ: приготовилъ себѣ и достойнаго преемника, „человѣка незапятнаннаго поведенія, и происходившаго изъ древней фамиліи“¹⁾. — Такія мѣры сами, по себѣ, казались, должны были благопріятствовать утвержденію и сохраненію порядка въ государствѣ. Но случилось, что по поводу этихъ самыхъ правительственныхъ мѣръ, народъ и войско возненавидѣли Императора и его наслѣдника: пользуясь этимъ, военачальникъ Отонъ возмущился и былъ провозглашенъ Императоромъ отъ войска. Гальба, поцарствовавъ не болѣе полугода, первый подвергся ярости мятежниковъ, за нимъ нашли свою смерть и избранный его наслѣдникъ и приверженцы послѣдняго. Но прежде, нежели Отонъ провозглашенъ былъ Императоромъ въ Римѣ, Германскіе легіоны уже избрали въ Императора своего главнокомандующаго Вителлія, и выступили въ походъ противъ Италіи. Открылось кровопролитное междоусобіе; Отонъ былъ разбитъ и погибъ. Между тѣмъ и Вителлію, войсками провозглашенному Императоромъ, противопоставленъ былъ отъ другихъ войскъ новый Императоръ Веспасіанъ. Благоразумное и повидимому благопотребное къ умиренію государства отреченіе Вителлія отъ императорскаго достоинства дало только поводъ къ кровопролитной битвѣ въ самомъ Римѣ. Приверженцы Вителлія въ своей ярости доходили до изступленія: но и сами послѣ произведенныхъ ими кровопролитій и пожара, были побиты приверженцами Веспасіана. — Самъ Вителлій былъ умерщвленъ. — Утвердясь на престолѣ, Веспасіанъ, правда, умѣлъ возстановить и поддержать достоинство Верховной власти противъ своеволія и насилій войска, грозившихъ кореннымъ разстройствомъ государству; но опасная тайна, что Императоръ могъ быть избранъ виѣ Рима и что выборъ его зависитъ отъ арміи, была уже открыта и слѣдов. главнѣйшія опоры государственнаго благоустройства были уже поколеблены и ослаблены. Кромѣ того Веспасіанъ для пополненія государственныхъ сокровищницъ, которыя онъ нашелъ пустыми, отнималъ у цѣлыхъ областей дарованныя имъ прежде права

¹⁾ Такъ Лоренцъ выражается о Низонѣ Лицініанѣ, избранномъ Гальбою въ наслѣдника. Стр. 34.

свободы; также частію возвышалъ старые налоги, частію установилъ новые къ великому отягощенію народа. „Онъ возобновилъ, пишетъ о Веспасіанѣ Светоній (Vesp. Cap. 16), пошліны, оставленныя въ правленіе Гальбы, присовокупилъ къ нимъ новые и тяжелые налоги, умножилъ подати съ провинцій и даже вдвое болѣе требовалъ съ нѣкоторыхъ изъ провинцій... старался продавать отличія даже недостойнымъ, или рѣшенія дѣлъ подсудимымъ какъ правымъ, такъ и виноватымъ“. Къ такимъ то результатамъ привели въ государствѣ гибельныя общественныя бѣдствія, отъ которыхъ погибли три Императора съ своими приверженцами, и притомъ въ продолженіе не болѣе одного года съ половиною (отъ Нерона до Веспасіана). Такъ дѣйствительно вдругъ пали на землю государства *градъ и огонь смѣшенъ съ кровью*: важнѣйшія отрасли и опоры государственнаго устройства значительно ослабились, *а трава злачная*—разумѣемъ облегчительныя и общественныя учрежденія и права—*вся погорѣла*. Вотъ первое явленіе Христова суда надъ возставшимъ противъ христіанства языческимъ міромъ, какое послѣдовало послѣ смерти гонителя Нерона, и которое еще при жизни Нерона прозиралъ, восхищенный въ область видѣній, возлюбленный ученикъ Христа Іоаннь.

И второй Ангелъ воструби, и яко гора велика огнемъ жегома ввержена бысть въ море: и бысть третья часть моря кровь: и умре третья часть созданныхъ суцущихъ въ мори, и мущихъ души, и третья часть кораблей погиге (ст. 8). *Гора*, которая есть возвышенность собственно земли, по извѣстному уже значенію этой послѣдней, знаменуетъ нѣкоторую особенно высокую или гордостію превозносимую область или власть государственную; *гора велика* послѣднею своею чертою, т. е. величіемъ усиливаетъ мысль о государственной возвышенности, о горделивомъ превозношеніи; *гора огнемъ жегома* или „пылающая“ этою новою символическою чертою указываетъ на открывшіяся въ самой горѣ дѣйствія и порывы губительной или карательной силы, ищущей только жертвъ. Слово *гора* въ смыслѣ мірскаго величія и горделиваго превозношенія употребляется въ книгахъ пророческихъ (напр. ИсаиИ. 12—14). *Море* будучи съ одной стороны независимо отъ твердой земли и движимо случайными вѣтрами, но съ другой не выступая въ своихъ движеніяхъ и волненіяхъ изъ пре-

дѣловъ, полагаемыхъ для него твердою землею,—есть, по сему, въ отношеніи къ земному благоустройству или порядкамъ въ государствѣ выразительный образъ самой общественной жизни, постоянно движущейся,—хотя въ предѣлахъ государственнаго порядка,—но собственно отъ духа времени, отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ произвола вождей народныхъ и самого народа и тому подобнаго. По такому внутреннему соответствію и связи явленій природы съ нравственными явленіями, Ангелы получившіе подъ свое храненіе и распоряженіе воду или воздухъ, съ тѣмъ вмѣстѣ управляютъ и знаменуемыми тою или другою стихіею областями міра нравственнаго или общества. Такъ и пророкъ Даніиль, тайнозритель Церкви Ветхозавѣтной, видѣлъ *море* государственной жизни, изъ котораго выходили разныя гражданскія преобладанія язычниковъ надъ избраннымъ народомъ (Дан. VII, 2—3 сл. 17 и д.). Житейскія блага и выгоды, составляющія внѣшнее общественное довольство, находятся въ необходимой связи съ движеніями и видоизмѣненіями общественной жизни, то умножаясь и разносясь всюду при тишинѣ и благосостояніи этого моря, то терпя крушенія отъ его волненій и бурь; въ этомъ и состоитъ значеніе символа *кораблей*. *Созданія сушія въ морѣ, имущія души*, или морскія животныя означаютъ по отношенію къ морю общественной жизни все, что въ нѣдрахъ этой подвижной стихіи является или дѣлается съ одушевленіемъ, съ силою, съ могущественнымъ вліяніемъ. Такъ въ выше-указанномъ видѣніи Даніила преобладающія въ мірѣ царства явились въ образѣ морскихъ чудовищъ (7 гл.). *Кровь*, какою оказалась третья часть моря, сама собою даетъ мысль о кровавыхъ послѣдствіяхъ низверженія горы въ море. Наконецъ, самое это низверженіе пылающей *горы* въ *море*, по извѣстному уже значенію той и другой, выражаетъ то, что общественная жизнь имѣла быть возмущена вторгшимися въ ея нѣдра губительными явленіями надъ особенно важною политическою областію, или губительными дѣйствіями чрезвычайно горделивой правительственной силы или власти. Итакъ общее значеніе второй казни надъ языческимъ враждебнымъ христіанству міромъ таково! По дѣйственному, хотя и непримѣтному для земнородныхъ, знаку второго небснаго Служителя суда Христова надъ язычествомъ, обще-

ственная жизнь въ Римской Имперіи имѣла быть кровавымъ образомъ возмущена губительными явленіями въ особенно важной государственной области, или карательными дѣйствіями горделивой власти;—отъ чего значительно, и именно на цѣлую треть, должна была ослабиться одушевленная бодрость (энергія) и уменьшиться довольство въ общественной жизни.

Какъ точно исполнилось и это видѣніе Тайнозрителя, для очевиднаго удостовѣренія въ этомъ довольно прочесть только исторію слѣдующихъ за Веспасіановымъ правленіемъ двухъ царствованій его дѣтей—Тита и Домиціана. При всей личной доблести перваго, кратковременное его правленіе поразительно ознаменовалось многими губительными дѣйствіями, постигшими именно Римъ—главу и средоточіе всей Имперіи, и вообще Италію—коренную и господственную область государства. Къ числу этихъ общественныхъ бѣдствій, принадлежитъ изверженіе Везувія, засыпавшее Геркуланъ и Помпею (буквальное осуществленіе страшнаго явленія пылающей горы!), язва и большой пожаръ въ Римѣ. Понятное дѣло, что такими бѣдствіями и общественное довольство уменьшалось, и народный духъ ослаблялся въ бодрости. Человѣколюбивая энергія и самая жизнь Тита скоро истощились: онъ умеръ, царствовавъ не болѣе двухъ лѣтъ (79—81). Преемникъ его Домиціанъ, по свидѣтельству Исторіи, соединилъ въ себѣ всѣ пороки развратнѣйшихъ изъ прежнихъ Императоровъ; расточительность побуждала его къ жестокости противъ богатыхъ, жестокость вела къ страху подвергнуться мщенію оскорбленныхъ и страхъ—безпрестанно къ новымъ казнямъ. Но отличительною чертою его характера была безмѣрная гордость, которая выражалась въ его лицѣ, походкѣ и голосѣ, онъ выказалъ ее, принявъ первый изъ Императоровъ титулъ *Dominus et Deus* („Господь и Богъ“). По гордости своей онъ былъ врагомъ всѣхъ отличавшихся талантами и славными дѣлами. Такъ онъ вызвалъ изъ Британіи и отравилъ славнаго побѣдителя Бриттовъ (Юлія Агриколу). По смерти его, жестокость тирана не находила болѣе предѣловъ... Супругъ его Домиціи случайно попался въ руки списокъ лицъ, назначенныхъ къ смерти. Она сама находилась въ числѣ жертвъ, вмѣстѣ со многими другими пользовавшимися его довѣренностію... Все это говоримъ сло-

нами Исторіи (Лоренца см. стр. 43—46). Столь кровавымъ образомъ была возмущена общественная жизнь чрезъ эту пылающую гору, вторгшуюся въ ея нѣдра, чрезъ губительныя изверженія этого нравственнаго Везувія, подобныя опустошительнымъ только что бывшимъ предъ этимъ физическимъ изверженіямъ этой огнедышущей горы. Можно судить объ упадкѣ народнаго духа и довольства въ такое царствованіе, тѣмъ болѣе, что самыя варвары, оставивъ свое оборонительное положеніе, при Домиціанѣ въ первый разъ начали дѣйствовать наступательно и столь горделивый властитель вынужденъ былъ покупать у нихъ миръ, обѣщая платить ежегодную дань (именно Дакійцамъ). Вотъ и второе явленіе суда Христова надъ язычествомъ, провидѣнное Тайнозрителемъ во всѣхъ характеристическихъ чертахъ своихъ!

Изяснивъ значеніе моря и земли съ ея произрастеніями, прежде нежели простремся впередъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ дѣйствій суда надъ язычниками, — мы можемъ и должны теперь дополнить изясненіе нѣкоторыхъ распоряженій милости Божіей собственно къ христіанамъ, вышеизображенныхъ Тайнозрителемъ. Разсматривая предшествующую главу, мы видѣли, что Ангелъ, имѣющій печать Бога Живаго, удерживалъ четырехъ другихъ Ангеловъ отъ вредоносныхъ дѣйствій на *море* и *землю* съ ея произрастеніями, пока не будутъ запечатлѣны избранные: *не вредите ни земли, ни моря, ни деревей, дондеже запечатлѣтъ рабы Бога нашего на чельхъ ихъ* (VII, 3). Мы указали тогда общій смыслъ этого воззванія: самое наказаніе язычниковъ останавливается на столько, насколько это нужно для запечатлѣнія рабовъ Божіихъ или для благодатнаго утвержденія и огражденія распространяющейся Христовой Церкви. Но притомъ, мы замѣтили, что не иначе какъ по изясненіи казней въ отношеніи къ *морю, землѣ* и *деревамъ* (т. е. по изясненіи ст. 7—9 въ 8 г.) вполне раскроется значеніе и этой милости Божіей къ христіанамъ—замедленія или умѣренія ради нихъ казней и надъ самими язычниками. Теперь, дѣйствительно, уже само собою объясняется эта милость Божія къ христіанству, чтобы *не вредить ни земли, ни морю, ни деревамъ, дондеже запечатлѣются рабы Божіи*. Это значитъ, что для благодатнаго утвержденія и огражденія распространявшейся

Христовой Церкви имѣло бытъ задержано или остано-
влено въ Римской Имперіи, во-первыхъ, разстройство государствен-
наго организма и особенно важнѣйшихъ отраслей граждан-
скаго порядка (ибо таково раскрытое уже нами значеніе
какъ *земли* и *древесей*, такъ и *вреда* для нихъ);— во-вторыхъ;
остановлены сильныя возмущенія общественной жизни, чрезъ
безпорядочныхъ правителей, или губительныя общественныя
бѣдствія (ибо таково извѣстное уже намъ значеніе *моря* и
вредныхъ вліяній на это море). Изъ видѣній Тайнозрителя
можно въ достаточномъ свѣтѣ усмотрѣть и то, къ какому
именно времени надобно относить такую милость къ хри-
стіанамъ. Св. Тайнозритель—Ап. Іоаннь, начавъ (въ 7 гл.)
изображеніе видѣній имъ свѣтлой области благоволенія
Божія къ христіанамъ, поставляетъ открытіе этой области
въ такой связи съ вышеизображеннымъ у него судомъ Бо-
жїимъ надъ Іудействомъ: *и по семь видѣнь четыре Ангелы* и
проч. Отсюда видно, что изображенное имъ въ VII гл. благо-
воленіе и покровительство Божіе къ христіанской Церкви
долженствовало открываться въ событіяхъ, слѣдующихъ уже
послѣ разрушенія Іерусалима. Впрочемъ Ангельское воззва-
ніе: *ни вредите ни земли, ни моря* и проч. слышалъ Іоаннь
не тотчасъ вслѣдъ за казнями Іудеевъ, но уже послѣ того,
какъ четыремъ Ангеламъ дано было вредить землѣ и морю
и какъ затѣмъ еще иной Ангель началъ шествіе отъ Во-
стока съ печатію Бога Живаго (VII, 2). Итакъ, эта милость
Божія, чтобъ не вредить *ни землѣ, ни морю*, по показанію
7-й главы, относится ко времени, слѣдующему спустя нѣ-
сколько послѣ разрушенія Іерусалима. Въ видѣніи суда Бо-
жія надъ язычниками, нами теперь слѣдимомъ (8 г.), опре-
дѣленнѣе обозначается время для открытія этой Божествен-
ной милости, простертой для блага христіанъ и на языче-
скій міръ. Первые два явленія суда Божія, нами разсмо-
трѣнныя, поражаютъ именно *землю* и *море*, которыя щадятся
отъ вреда, объявленнаго отъ Ангела, имѣющаго печать Бога
Живаго, щедродаровитостію Божіею къ избраннымъ Его ра-
бамъ. Очевидно, что такая щедродаровитость въ отношеніи
къ морю и землѣ съ ея произрастеніями, не могла имѣть
никакого мѣста во время самыхъ этихъ явленій наказатель-
наго суда Божія надъ землею и моремъ по прямой про-
тивоположности своей послѣднимъ. Слѣдующія же два яв-

ленія суда Божія надъ язычниками ни мало не касаются своимъ карательнымъ дѣйствіемъ ни моря, ни земли съ ея растеніями (см. VIII, 10—12); между тѣмъ какъ дальнѣйшія три своимъ тройственнымъ горемъ угрожаютъ живущимъ на земли (13 ст.). Ясно, что, въ такой судьбѣ языческаго міра, пощадѣніе земли и моря нельзя относить и къ симъ послѣднимъ, карательнымъ для живущихъ на земли, тремъ явленіямъ суда Божія надъ языческимъ міромъ. И такимъ образомъ эта милость Божія относится не къ иному времени, какъ къ продолженію слѣдующихъ за первыми и нами уже рассмотрѣнными двумя явленіями суда Божія надъ язычниками,—также двухъ явленій этого суда, которыя намъ надлежитъ разсматривать,—въ которыхъ земля и море, дѣйствительно, оставлены въ неприкосновенномъ покоѣ (см. VIII, 10—12).

Событія въ Римской Имперіи, слѣдовавшія за царствованіями разрушившаго Іерусалимъ Тита и брата его Домиціана, оправдываютъ сдѣланное соображеніе о времени осуществленія показанной милости Божіей и окончательно изясняютъ пророчественное видѣніе этой милости чрезъ самое исполненіе пророчества; равно какъ и сами получаютъ изъ откровенія Іоаннова потребный къ собственному ихъ уясненію свѣтъ. „Убійцы Домиціана, какъ читаемъ въ Исторіи (Лоренца стр. 36 и 37)—провозгласили Императоромъ М. Кокцея Нерву. Съ него начинается для Римскаго государства время, которое многіе считаютъ счастливою эпохою во Всемирной Исторіи... Прекраснѣйшія добродѣтели являются одна за другой на тронѣ Имперіи: сердечная доброта съ Нервою, величіе души съ Траяномъ, любовь къ наукамъ и искусствамъ съ Адріаномъ, кротость съ Антониномъ Піемъ и, наконецъ, философія съ Маркомъ Авреліемъ“. Этимъ, конечно, не совершенно исключались общественныя бѣдствія и неудачи, случавшіяся и въ семь періодъ, но тѣмъ не менѣе какъ земля государственнаго устройства, такъ и море общественной жизни представляютъ увлекательный видъ: „Во второмъ вѣкѣ христіанской эры, говоритъ Гиббонъ, Римъ владычествовалъ надъ лучшими странами міра и образованнѣйшіе народы сдѣлались его подданными. Длинный рядъ побѣдъ, мужество и дисциплина войска охраняли границы огромной Имперіи; вліяніе Римскихъ законовъ и нравовъ

скрѣпляли провинціи, а въ самомъ мірѣ сохранялись преданія старыхъ учреждений. Болѣе осьмидесяти лѣтъ управляли Римомъ умъ и добродѣтели Траяна, Адриана, двухъ Антониновъ.“ Впрочемъ и при всемъ увлеченіи такимъ блестящемъ государственнаго благоустройства и счастьемъ общественной жизни въ это время, Исторія видитъ, что это есть только остановка и замедленіе разстройства и истощенія жизненныхъ силъ въ государствѣ, какъ то показано и въ откровеніи Іоанновомъ. „Все, относящееся къ внѣшней жизни, теперь не болѣе развито, какъ было тогда, и то, что называютъ цивилизаціею, достигло въ тѣ дни высшей степени совершенства: но несмотря на то и лучшіе правители не въ силахъ были отвратить судьбу государства; они могли поддержать въ немъ порядокъ и спокойствіе, но не возродить его къ новой жизни... Врачебное искусство и строгая діета могутъ еще продлить болѣзненное существованіе старца, но не въ состояніи возвратитъ тѣлу потерянные соки и нервамъ ихъ мужественную силу и гибкость.“ Вникая въ значеніе этой необыкновенной эпохи историкъ, правда, не останавливается только на этихъ однихъ блестящихъ сторонахъ государства, т. е. на этой *землѣ*—государственнаго благоустройства и *морѣ*—общественной спокойной жизни, но примѣчаетъ и другія, вовсе не отрадныя стороны Имперіи. „Хотя, говоритъ онъ все о томъ же времени, хотя главами государства являлись превосходнѣйшіе Императоры, хотя при нихъ находились первые въ свѣтѣ юристы, отмѣннѣйшіе генералы и искуснѣйшіе политики, хотя въ ихъ распоряженіи находились арміи, которыхъ въ дисциплинѣ, мужествѣ и военномъ духѣ не превосходило никакое другое войско; однако несмотря на то, все видимо клонилось къ паденію и лучи древняго блеска одинъ за другимъ угасали... Эгоизмъ и низкій образъ мыслей заступили мѣсто прежняго патріотизма.“ Но при такой проницательности тотъ-же историкъ самъ проговаривается, что эта счастливая эпоха не вяжется ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ въ судьбахъ Имперіи, какъ будто излишняя въ ряду сихъ судебъ. „Хорошіе Императоры могли обезопасить счастье своего времени, но будущее оставляли на произволъ судьбы, и этимъ объясняется, почему время отъ Нервы до Коммода прошло безъ всякаго сильнаго дѣйствія на государство. Коммодъ могъ начать тамъ, гдѣ ос-

становился Домицианъ, какъ будто почти не существовалъ столѣтній промежутокъ благодѣтельныхъ и славныхъ правленій. — Какой же въ самомъ дѣлѣ смыслъ и назначеніе этого загадочнаго или отступающаго изъ естественнаго порядка вещей, столь продолжительнаго однакоже шаденія или охраненія государственнаго устройства и общественной жизни! Гдѣ скрывается начало и причина для такого счастливаго сочетанія личныхъ достоинствъ цѣлаго ряда Императоровъ, высокихъ талантовъ государственныхъ людей, благопріятныхъ обстоятельствъ на цѣлое столѣтіе, въ столь глубоко уже поврежденномъ государствѣ?—Эту тайну, которой не усматриваютъ историки въ совершившихся уже судьбахъ Римской Имперіи, Тайнозритель узналъ и открылъ еще прежде самыхъ событій. Онъ слышалъ, что небесный Служитель благодатнаго утвержденія и огражденія распространявшейся Христовой Церкви возвѣстилъ другимъ небеснымъ Служителямъ суда Божія надъ устройствомъ и общественною жизнію язычествующей Римской Имперіи такое Божественное опредѣленіе: *не вредите ни земли, ни моря, ни деревьевъ; дождеже запечатлѣемъ рабы Бога нашего.* Дѣло огражденія, и утвержденія Церкви подобающимъ чиномъ благодати требовало для своего выполененія и упроченія не иначе, какъ общественнаго міра и благоустройства Имперіи, въ которой распространялась Церковь. Ибо гоненія противъ самой Церкви со стороны Имперіи открывали только доблесть вѣрныхъ чадъ первой и внутреннюю несостоятельность язычества въ послѣдней, но волненія и безпорядки общественной жизни, разстройство и распаденіе организма Имперіи не давали бы и церковному порядку благоустроиться и церковной жизни воспріять правильное теченіе—при повсюдномъ распространеніи въ Имперіи юной христіанской Церкви. Это тѣмъ болѣе, что св. Апостолы, хотя преподали благодатныя начала и основныя правила слова Божія, по которымъ должно было образоваться церковное благоустройство и могла воспріять подобающій чинъ вся церковная жизнь; но раскрывать эти Божественныя начала, примѣнять эти правила слова Божія ко всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ церковнымъ предоставлено самой Церкви, Апостолы же къ тому времени уже всѣ имѣли разрѣшиться отъ узъ тѣла и настоящей жизни. Могъ-ли бы въ единствѣ и съ прочностію развиваться и

образовываться организмъ вселенской Церкви, какъ Новый Израиль, стройно раздѣленный по своему благодатному порядку на свои духовныя колѣна, или на свои отдѣлы,—могъ ли такъ устроиваться во всѣхъ мѣстахъ и у разныхъ племенъ—среди распадѣнія и нестроеній самой вселенной, среди волненій и бурь общественной жизни въ Имперіи. И вотъ Господь Богъ Вседержитель и Глава Церкви опредѣляетъ быть общественному спокойствію и благоустройству вселенной въ глубоко уже поврежденной и потрясенной Имперіи—на все продолженіе времени, пока совершится благодатное дѣло утвержденія и огражденія церковнаго тѣла подобающимъ чиномъ во всѣхъ частяхъ и потребностяхъ церковной жизни. И дѣйствительно, вселенская Церковь уже въ этомъ второмъ вѣкѣ представляетъ прекрасное зрѣлище стройнаго организма,—съ своими Іерархами, взаимно и иногда соборно сносящимися въ устроеніи дѣлъ церковныхъ, съ согласнымъ повсюду употребленіемъ и храненіемъ таинственныхъ способовъ благодатной жизни, съ едиными у всѣхъ священными книгами—источниками Божественной истины; а нѣкоторыя изъ частныхъ церквей, и именно Александрійская и Римская являются уже съ утвердившимся духовно-благодатнымъ авторитетомъ наиболѣе важныхъ церковныхъ отдѣловъ, какъ открытые слѣды Ангела шествовавшего съ утверждающею во Христѣ печатью Бога Живаго, отъ Востока къ Западу, изъ Азіи въ Европу и Африку ¹⁾.—Итакъ вотъ смыслъ, основаніе и назначеніе славныхъ царствованій Императоровъ отъ Нервы до Марка Аврелія; они потребны были собственно для спасительныхъ цѣлей Царства Христова, послѣдовали по нарочитому распоряженію небесныхъ силъ; составляли или проявляли милость Божію собственно къ христіанамъ, покровительство именно христіанской Церкви. И въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ сторонахъ языческой жизни, которыхъ охраненіе не было нужно и благодѣтельно для Церкви, судъ Божій надъ языческой Имперіей продолжалъ совершаться безъ остановки, какъ видѣлъ Тайнозритель,—какія видѣнія и продолжимъ мы слѣдить испытующимъ вниманіемъ.

Такъ вслѣдъ за вторымъ Ангеломъ и *третій Ангелъ воструби, паде съ небесе звѣзда велика, горящи яко свѣща, и*

¹⁾ Смотри Истор. Иннокентія, 1 часть стр. 43—45 изд. 1834 г.

паде на третію часть рѣкъ и на источники водныя. И имя звѣзды глаголется *апсиносъ* (полынь); и бысть третія часть водъ яко *полынь*; и мнози отъ человекъ умроша отъ водъ, яко *горьки бѣша* (10—11). Здѣсь частныя понятія или изъяснены уже, или сами по себѣ удобопонятны. *Звѣзда велика, горящи яко свѣща*, по извѣстному уже намъ значенію свѣтилъ небесныхъ, какъ выразительнаго по своему существу символа просвѣщенія или образованности міра въ настоящемъ случаѣ міра особенно языческаго, указываетъ на нѣкоторый частный (спеціальный) хотя и значительный отдѣлъ этого просвѣщенія, и именно на такой, котораго задача есть служить къ изысканію и уясненію скрытнаго, къ обличенію темнаго, подобно возженному свѣтильнику. Паденіе такой звѣзды съ неба, по извѣстному также знаменованію симъ послѣднимъ благодатнаго Царства Христова или Церкви христіанской, выражаетъ, что въ означенномъ отдѣлѣ языческаго просвѣщенія свѣтлыя начала занесены или испали въ языскій міръ изъ области христіанства. Именованіе звѣзды *полыню* указываетъ на открытіе или уясненіе ея свѣтомъ истинъ горькихъ, предметовъ или обстоятельствъ печальныхъ, дѣйствительности скорбной. *Вода источниковая и рѣчная*, какъ было показано нами въ своемъ мѣстѣ, знаменуетъ ту стихію общественной жизни, которая служитъ къ освѣженію и оживленію общественнаго и вообще человѣческаго духа. Къ составу этой стихіи относятся, какъ и о томъ уже была рѣчь, выражаемая въ общественномъ мнѣніи и нравахъ понятія о добрѣ и счастіи, объ истинѣ, обо всемъ такомъ, да и самыя выраженія всего такого, чего духъ человѣческой жаждетъ какъ живой воды. Обращеніе третьей части воды въ горечь полыни, по вліянію падшей на нее означенной звѣзды, могло произойти двоякимъ образомъ: какъ сами служители указаннаго выше отдѣла просвѣщенія, обличительнымъ свѣтомъ послѣдняго озаривъ превратныя нравственныя понятія и испорченные нравы, должны были отъ этого преисполняться горечью, такъ, по обличеніи низости и мерзости испорченныхъ нравовъ и понятій, держащіяся оныхъ должны были пить горечь невольнаго сознанія своей низости. *Смерть многихъ*, причиняемая горечью водъ, по символическому значенію послѣднихъ, надобно понимать также не въ собственномъ смыслѣ, а по отношенію къ жи-

вымъ стремленіямъ и потребностямъ духа человѣческаго и общественнаго. Когда человѣкъ отъ показанной выше горечи предается безнадежію или ожесточается противъ людей,—то вотъ и смерть его отъ горечи водъ.—По раскрытіи частныхъ понятій, общій смыслъ всего явленія выходитъ такой: по дѣйствию третьяго небснаго Служителя суда Божія надъ язычествомъ, тотъ отдѣлъ современнаго языческаго просвѣщенія, котораго задача уяснить скрытное и обличить темное и въ который потребный для сего свѣтъ испалъ изъ области христіанства,—сталъ провозвѣстникомъ горькихъ истинъ, обличителемъ плачевныхъ сторонъ дѣйствительности. И вліяніе такой полынной горечи этой яркой звѣзды, горящей подобно свѣтильнику, пало на ту стихію общественной жизни, которую утолялъ свою нравственную жажду общественный или вообще человѣческій духъ. И что же вышло отсюда? Какъ сами служители этого рода просвѣщенія исполнились горечью, подавляющею сладость и самыхъ чистыхъ понятій, при видѣ всеобщей испорченности понятій и нравовъ; такъ и увлекавшіеся сими превратными понятіями и нравами должны были пить горечь неотразимаго сознанія своей низости, возмущающую ихъ безопасность среди самыхъ удовольствій. Посему многіе или предалися убійственному унынію, или ожесточенію противъ существующаго порядка вещей. Обращаясь къ общественному состоянію въ періодъ, начинающійся Нервою или Траяномъ, находимъ въ самой дѣйствительности показанное явленіе Христова суда надъ язычествомъ. Оно выразилось яснѣе всего въ литературѣ того времени, именно въ томъ ея отдѣлѣ, который или свѣтомъ исторіи уясняетъ предметы, или съ поэтическимъ огнемъ входитъ въ современное состояніе общества, и который имѣлъ сильное вліяніе на общественный духъ своего времени. Главное направленіе этого отдѣла литературы, который имѣемъ въ виду,—это есть вниманіе къ духовнымъ потребностямъ и нравственнымъ обязанностямъ человѣка, возбуждаемое съ силою именно христіанствомъ,—обнаженіе глубокой духовной порчи въ мірѣ современномъ, приведенной въ ясное сознаніе опять христіанствомъ, и вслѣдствіе того и другого внутреннее недовольство, горькія противорѣчія внутреннихъ требованій съ дѣйствительностію.—Сюда относятся историческія сочине-

нія Тацита. Вотъ его характеристика (изъ Лоренца 61 стр. и слѣд.): „Онъ съ горечью видѣлъ раболопную покорность Римлянъ, и чѣмъ болѣе чувствовалъ себя въ противорѣчій съ настоящимъ порядкомъ вещей, тѣмъ болѣе долженъ былъ изливать въ своихъ сочиненіяхъ негодованіе на всеобщій развратъ. По отношенію къ изображаемымъ въ его лѣтописи Императорамъ справедливо сравниваютъ Тацита съ карою, слѣдующею за преступленіемъ. Въ такомъ же духѣ писалъ онъ даже и о варварскомъ народѣ Германіи: въ изображеніи добродѣтелей народа, находившагося еще въ естественномъ состояніи, онъ хотѣлъ поставить какъ бы зеркало предъ испорченною жизнью Римлянъ. И жизнеописаніе, бывшаго жертвою Домиціановой гордости, Римскаго полководца (Агриколы) представляетъ противоположность всеобщей испорченности нравовъ, показывая Римлянина, среди разврата современниковъ сохранившаго древній народный характеръ. Но надобно замѣтить, что этотъ знаменитый писатель вѣка Траянова такое свое направленіе получилъ главнымъ образомъ отъ философіи Сенеки, на мысли которой вліяніе христіанскаго нравоученія несомнѣнно.—Написанное въ правленіе также Траяново другимъ ученымъ (Флоромъ), обзоръ Римской Имперіи противопоставляетъ современному состоянію Имперіи славу и благосостояніе древней Римской республики.—Изъ поэтовъ Анній Луканъ избралъ предметомъ своего творенія междуусобную войну между Цезаремъ и Помпеемъ съ тою именно цѣлію, (скажемъ словами опять Лоренца), чтобы въ стихахъ высказать истины, которыхъ не смѣлъ говорить въ прозѣ. Его римскій духъ, благородное презрѣніе ко всему низкому и смѣлыя нравоученія часто возвышаютъ его поэму больше, нежели самая живая фантазія. Такое направленіе тѣмъ рѣзче высказывается въ сатирикахъ. Персій съ строгою важностію открываетъ первыя причины разврата и безъ пощады порицаетъ ложное направленіе *поэзіи, философіи, религіи* и нравственности. Ювеналь изображаетъ въ подробностяхъ и раскрываетъ до наготы пороки общества. Даже и принимающіе участіе въ развратной вольности современниковъ, осмѣиваютъ оную, какъ Петроній. По самой всеобщей испорченности нравовъ, тогда находили подлинно горькое удовольствіе въ собираніи всего, что было говорено худого о значительныхъ и должностныхъ

лицахъ, составляли ежедневныя записки о подобныхъ толкахъ и во множествѣ списковъ разсылали по провинціямъ.— Видно, что это горькое сознание нравственной глубокой порчи міра языческаго было въ духѣ времени; ибо литература обыкновенно служитъ выраженіемъ духа своего времени. Притомъ и она, съ своей стороны, естественно съ силою дѣйствуетъ на общественное направленіе; это тѣмъ болѣе, что и въ Римѣ и въ провинціяхъ Имперіи охота и способности къ легкому чтенію были хотя отчасти иного рода, но не меньшія, нежели нынѣ,—какъ открывается изъ свидѣтельствъ того времени ¹⁾. Императоръ Адрианъ учреждалъ публичныя бібліотеки почти въ каждомъ изъ большихъ городовъ Имперіи. Литературныя же произведенія показаннаго направленія написаны точно будто по вліянію высшей духовной силы, большею частію съ большимъ достоинствомъ и силою, нежели другія современныя произведенія прозы и поэзіи. О распространеніи страдальческаго и убійственнаго духа унынія и недовольства свидѣлствуютъ самыя императорскія учрежденія и повелѣнія (Траяна), клонившіяся явно къ тому, какъ замѣчаетъ Исторія, чтобы облегчить страданія подданныхъ, раздѣляемыхъ съ ними и самимъ Императоромъ ²⁾ Также недаромъ получила тогда новую силу и жизнь, и, притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, стоическая философія (Эпиктета), поставляющая дѣлю мудрости холодное терпѣніе и перенесеніе земныхъ золъ; недаромъ она нашла въ тогдашнее время во всѣхъ состояніяхъ сочувствіе и многочисленныхъ послѣдователей ³⁾. Императоръ Маркъ Аврелій искалъ опоры для своего духа въ той же философіи, какъ видно изъ его записокъ ⁴⁾. Такъ обр. когда дарованы были Имперіи нужныя для христіанства общественный миръ и благоустройство подъ правленіемъ достойныхъ Императоровъ,—въ это самое время продолжалъ совершаться Божій судъ надъ языческимъ міромъ, поражая внутреннюю жизнь язычника томленіемъ, происходящимъ отъ вліянія самаго просвѣщенія, утоляя жажду общественнаго духа отчасти горечью убійствен-

¹⁾ Свидѣтельства сіи собраны и соображены въ статьѣ Москвит. „Обращеніе книгъ въ древнемъ мірѣ, преимущественно при Императорахъ“.

²⁾ См. Ист. Лоренца стр. 49.

³⁾ Лоренц. стр. 55—56.

⁴⁾ *Віс ἐαυτοῦ*—„самоаблюденія“.

наго унынія и ожесточающаго недовольства. — Политическая тишина и благосостояніе давали тѣмъ болѣе мѣста и удобства такому болѣзненному самоуглубленію. — Къ этой духовной казни язычниковъ служили именно строгія и чистыя духовно-нравственныя понятія, которыя ниспадали въ языческій міръ съ горней области распространявшагося всюду христіанства.

И четвертый Ангелъ воструби, и узавена бысть третія часть солнца, и третія часть луны, и третія часть звѣздъ, да затмится третія часть ихъ, и дня третія часть да не свѣтитъ, и ночь такожде (ст. 12). Общая мысль этого явленія ясна; потому-что извѣстно намъ общее значеніе свѣтиль, какъ символа просвѣщенія; а дѣло идетъ именно въ Греко-Римскомъ языческомъ мірѣ. Уменьшеніе свѣта въ свѣтилахъ показаннаго значенія, есть значительный упадокъ просвѣщенія въ Греко-Римскомъ мірѣ. Въ частности *солнце* можетъ означать кругъ высшихъ умозрѣній и коренныхъ для всѣхъ знаній идей или философію; *луна* указываетъ на отображающую идеальной свѣтъ область искусствъ, ремеселъ и разныхъ житейскихъ знаній; *звѣзды* суть многоразличныя частныя знанія и науки. *День*—среда просвѣщенія и образованности; *ночь*—это среда невѣжества и непросвѣщеннаго простонародія, озаряемая впрочемъ влияніемъ житейскихъ и научныхъ знаній, какъ звѣздами и луною. — И все это по дѣйственному знаку небснаго совершителя предназначенныхъ язычеству казней, должно было лишиться цѣлой трети свойственнаго себѣ свѣта. Какъ во свѣтѣ Божіемъ видѣлъ Тайнозритель, такъ впоследствии и на дѣлѣ оказалось. Философія, оживившаяся было въ возрожденномъ стоицизмѣ, затѣмъ взяла направленіе отчасти къ эклектизму или къ безсвязному смѣшенію идей изъ разныхъ системъ и вѣрованій, а наиболѣе къ суевѣрному мистицизму, мечтавшему о вдохновеніи отъ боговъ, о власти надъ природой и духами, о глубокихъ истинахъ въ языческихъ мѣахъ ¹⁾. Искусства, уже давно утратившія здравый вкусъ, болѣе и болѣе замѣнялись ремеслами для матеріальныхъ наслажденій; циркъ воспламенялъ страсти враждебныхъ партій. Краснорѣчіе становилось пустой и надутой декламаціей. Квинтиліанъ и Младшій Плиній не успѣли отстоять естественности въ сло-

¹⁾ Последнее образовало Неоплатоническую школу.

весномъ искусствѣ. Поэзія языческая уже была болѣе реторическою задачею,—дѣломъ искуснаго набора образцовъ и внѣшняго украшенія рѣчи, вмѣсто воодушевленія; уже и сатира измѣнила свой благородный нравственный характеръ на холодную насмѣшку надъ всѣмъ (Луціанъ). И въ области Исторіи уже не видимъ достойнаго преемника Тациту. Область точныхъ наукъ послѣ Старшаго Плинія, составившаго естественную исторію, и Клавдія Птолемея, основателя астрономическихъ наукъ, остановилась въ своемъ развитіи. Латинская литература язычества уступила первенство, по прежнему, греческой; а греческая не могла возвратиться къ прежней свѣжести и жизни, хотя и имѣла нѣкоторыхъ достойныхъ писателей, какъ Плутарха. Так. обр. какъ высшій свѣтъ идей истины и добра, составляющій естественный для человѣческаго духа день, ощутительно для самихъ язычниковъ склонялся къ сумраку (хотя самъ по себѣ и всегда помраченъ въ падшемъ человѣческомъ естествѣ); такъ и искусственное просвѣщеніе міра и природы науками и искусствами—стало видимо блѣднѣть и оскудѣвать. Сколь тяжко чувствительна была для Греко-Римскаго міра эта казнь; т. е. упадокъ ихъ просвѣщенія, можно понять изъ того, что Греки и Римляне смотрѣли на прочіе племена и народы, какъ на варваровъ, глубоко-униженныхъ предъ ними, и особенно на христіанъ, какъ на людей жалкихъ и презрѣнныхъ ¹⁾. Но Господь, отъ вѣка знающій все Свои дѣла и суды, заранѣе обстоятельно предуказалъ такой судъ надъ ихъ гордостью, чтобы открыто предъ всѣмъ міромъ упразднить ихъ самомнительную мудрость—къ торжеству презираемаго и преслѣдуемаго ими христіанства. И видно, что дѣло просвѣщенія, какъ и другихъ частей общественной жизни, идетъ подъ наблюденіемъ и распоряженіемъ высшихъ свѣтовъ или св. Ангеловъ; ибо судъ надъ языческимъ просвѣщеніемъ имѣлъ совершиться по гласу трубы Ангельской.

Но наиболѣе тяжкія и трудныя казни язычеству остаются еще впереди, и по откровенію Іоаннову предваряются такимъ поразительнымъ видѣніемъ и возглашеніемъ безплотнаго Небожителя: *и видѣхъ, и слышяхъ единаго Ангела паряща посреда небесе, глаголюща глаголюма великимъ: горе, горе, горе живущимъ*

1) Такъ писалъ о христіанахъ Младшій Плиній Траяну.

на земли отъ прочихъ гласовъ трубныхъ тріехъ Ангелъ, хотящихъ трубити (ст. 13). Имя Ангела надобно разумѣть въ смыслѣ прямомъ: ибо всё черты здѣсь свойственны духовно-крылатымъ силамъ. Явленіе Ангела съ громогласнымъ словомъ, летящаго *посреди небесе*,—изъясняется изъ извѣстнаго намъ значенія неба, какъ области Христовой Церкви: пареніе Ангела слѣдить и слово его слушать должно, по указанію Іоаннова видѣнія,—именно въ области Церкви, въ ея устройствѣ и внутреннемъ состояніи. *Подъ живущими на землю* и по указанію послѣдней на земные порядки, и въ настоящемъ случаѣ именно на устройство Греко-Римскаго языческаго міра разумѣются язычествующіе члены политическаго тѣла Римской Имперіи, т. е. и Императоры и подданные ихъ язычники. Троякое горе, предвозвѣщаемое имъ отъ Ангела, состоитъ, какъ показываютъ дальнѣйшія видѣнія Тайнозрителя (гл. 9, 11, 15 и слѣд.),—изъ трехъ слѣдующихъ одна за другою карательныхъ для языческаго гражданства эпохъ. Такія бѣдствія, повидимому, должны касаться и членовъ гражданства небеснаго, т. е. христіанъ: такъ какъ и они принадлежали къ составу Имперіи. Но для истинныхъ христіанъ, терпѣніе вѣдшихъ бѣдствій составляетъ не горе убійственное, а дверь къ блаженству спасенія, по Христову слову: *претерпѣвый до конца, той спасется*. Посему троякое горе, угрожавшее и предвозвѣщаемое живущимъ на земли, относится къ казнямъ собственно языческаго міра, въ ряду которыхъ эти три *горя* и поставлены. Эти послѣднія три казни надъ язычествомъ имѣли открыться такъ же по распоряженію св. Ангеловъ, какъ и первыя четыре разсмотрѣнныя нами: *горе, горе, горе... отъ прочихъ гласовъ трубныхъ тріехъ Ангелъ, хотящихъ трубити*. Итакъ, громогласное слово Ангела и самое пареніе его съ такимъ словомъ посреди небесъ понятно по своему общему знаменованію: въ области Церкви Христовой, въ ея устройствѣ и состояніи одинъ изъ безплотныхъ ея блюстителей и поборниковъ дастъ примѣтить свой возвышенный полетъ и слышать громогласное слово свое объ угрожающихъ язычеству особенно страшныхъ послѣднихъ ударахъ.

Чтобы видѣть это пророческое видѣніе въ самомъ исполненіи, надобно, во-первыхъ, вникнуть во внутреннюю область Церкви, въ ея устройство и состояніе, когда они пребывали

въ нѣдрахъ гнавшей ее Римской Имперіи, при извѣстныхъ уже намъ обстоятельствахъ послѣдней. Когда *земля* государственнаго порядка вещей въ языческой Имперіи опустошалась огнемъ и градомъ, и *море* общественной жизни кровавымъ образомъ возмущалось; въ то время и особенно въ послѣдствіи церковное благоустройство болѣе и болѣе развивалось и упрочивалось, какъ рай; церковная жизнь во внутренней своей области не теряла свободы среди самыхъ гоненій; частныя церкви возвышались *яко кедры при водахъ* благодати; христіане процвѣтали и благоухали святостію и чистотою, и приносили плоды мученичества.—Между тѣмъ какъ духъ недовольства и унынія овладѣвалъ язычниками среди самаго наружнаго довольства и блеска, и просвѣщеніе примѣтно упадало и мельчало, христіане среди страданій были бодры и даже радовались, укрѣпляясь и ободряясь Самимъ Св. Духомъ Утѣшителемъ, Духомъ исповѣдуемой ими истины, и начинали новое, озаренное Христовымъ свѣтомъ и потому животворное просвѣщеніе. Св. Іустинъ Философъ, св. Иринеи, Климентъ Александрійскій, Оригенъ и др. и по внѣшнему образованію не уступали язычникамъ. При семъ Церковь непрерывно распространялась во всѣ части Имперіи, во всѣхъ состояніяхъ и званіяхъ. Кратко сказать: тогда какъ враждебное язычество, какъ изсыхающая скорлупа, распадалось; христіанство—какъ скрытое въ нѣдрахъ Имперіи живое ядро—расло, крѣпло и созрѣвало для скорого и рѣшительнаго освобожденія отъ внѣшняго стѣсненія язычествомъ. И так. обр. послѣдніе рѣшительные удары языческому Греко-Римскому міру, по показанному внутреннему состоянію Церкви и отношенію ея къ этому враждебному міру, оказывались неизбежными и близкими. Но при семъ, во-вторыхъ, надобно помнить, что спасительныя судьбы Церкви и торжество вѣры совершаются не иначе, какъ при служеніи св. Ангеловъ, какъ сказано: *не вси ли суть служебни души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе?* (Евр. I, 14). И тѣмъ паче, особенно важныя и рѣшительныя судьбы Церкви или побѣды ея надъ врагами совершаются подъ наблюденіемъ высшихъ и могущественнѣйшихъ изъ горнихъ силъ. И так. обр., въ-третьихъ, если проникнуть въ самыя главныя и внутреннія пружины притопляемыхъ язычеству пораженій, какія оказывались, по

внутреннему состоянію Церкви и отношенію ея къ языческому міру, неизбежными и близкими: то въ показанномъ состояніи Церкви, грозящемъ сими послѣдними ударами язычеству,—и открывается, въ самой силѣ и дѣйстви, видѣнное Тайнозрителемъ зрѣлище Ангела, парящаго посредѣ небеси и возвѣщающаго гласомъ великимъ: *горе, горе, горе живущимъ на земли*. Подобнымъ образомъ направленіе въ распространеніи христіанства давалось шествіемъ Ангела же отъ Востока къ Западу по видѣнію Тайнозрителя (VII, 2).

Дѣйственное слово безплотнаго поборника Церкви о предстоящихъ язычеству послѣднихъ казняхъ выразилось для языческаго міра и въ самыхъ его обстоятельствахъ послѣдняго времени. Нашествіе варваровъ, отъ которыхъ едва успѣвалъ на время обороняться Маркъ Аврелій,—крайне безумное жестокое правленіе сына его и преемника Коммода, однако раболѣпно славимое Сенатомъ и народомъ, насильственная его смерть отъ близкихъ людей и произволь въ выборѣ ему преемника служили предвѣстіемъ для язычниковъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ великихъ золъ въ будущемъ.

Явленіе затѣмъ перваго горя для языческаго міра, или Римской Имперіи довольно многосложно: *и пятый Ангелъ воструби и видѣхъ звѣзду* и проч. (IX, 1—4). По многосложности этого явленія, будемъ слѣдить его по частямъ: Потомъ представимъ общій смыслъ всѣхъ его частей. А самый этотъ смыслъ наконецъ оправдаемъ и вмѣстѣ окончательно раскроемъ—самыми событіями или исполненіемъ пророческаго видѣнія.

Въ видѣніи этого перваго горя указывается во-первыхъ первоначальный его источникъ (1—2), далѣе самое его явленіе (3—6), наконецъ и орудія къ произведенію этой казни (7—11). И, во-первыхъ, св. Апостолъ видитъ, какъ открывается источникъ сего горя (ст. 1 и 2). *И пятый Ангелъ воструби, и видѣхъ звѣзду съ небесе спадшу на землю. И данъ бысть ей ключъ отъ студенца бездны: и отверзе студенецъ бездны. И взыде дымъ отъ студенца яко дымъ пеци великия, и омерче солнце и воздухъ отъ дыма студеничнаго*. Символическій характеръ этого явленія видимъ самъ собою: ибо такія черты явленія,—каковы—дарованіе звѣздъ ключа отъ бездны, открытіе бездны звѣздою,—суть очевидно символическія, и не

принадлежать къ собственнымъ явленіямъ природы. Значеніе символовъ *звѣзды, неба и земли* намъ уже извѣстно; выше было уже и самое явленіе *паденія звѣзды съ неба* (10 ст.). *Небо* область Церкви; *земля* область земныхъ порядковъ; *звѣзды*, насколько она берется не въ отношеніи къ самому небу, а по дѣйствию на землю языческаго государства, есть символъ какого-либо частнаго отдѣла или начала просвѣщенія, или вообще свѣтоносной для мыслей и жизни истины. Посему звѣзда, падшая съ неба на землю, знаменуетъ такое просвѣщенное начало, въ образѣ мыслей и жизни, которое въ политическую область язычества ниспало съ неба—Христовой Церкви. *Бездна* есть область сатанинская, жилище духовнаго зла и смерти съ ихъ княземъ и служителями,—какъ видно изъ упоминанія въ этой же главѣ (ст. 11). *ангелъ бездны*—губитель. Эта бездна отверзлась для нашего міра еще грѣхомъ прародительскимъ. Но такъ какъ отъ ея же темныхъ силъ зависитъ и возбуждается и управляется всякое духовное зло въ нашемъ мірѣ, а это губительное зло безчисленнымъ образомъ разнообразится въ разныя времена и въ разныхъ обстоятельствахъ; то появленіе или усиленіе въ мірѣ какого-либо особаго рода этого зла въ извѣстное время составляетъ открытіе нѣкотораго *студенца* или источника *бездны*. И что изъ нашего міра послужило бы видимою причиною или поводомъ къ появленію и усиленію такого или другаго рода зла или, что то же, къ тому или другому, сатанинскому обольщенію людей,—это и составляетъ *ключъ* отъ этого источника *бездны*. Такимъ то ключемъ къ открытію нѣкотораго особаго истока бездны и опредѣлено быть тому свѣтлому началу, которое въ политическую область язычества попало съ неба Церкви: *и данъ бысть ей* (падшей съ неба на землю звѣздѣ) *ключъ студенца бездны*. Какое же выпло зло изъ открытой сатанинской бездны? Зло безъ сомнѣнія духовное, или разумно-свободное; ибо изъ самыхъ глубинъ сатанинской бездны свойственно происходитъ злу въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, каково и есть нравственное зло. Оно, изникая изъ сатанинской области, принимаетъ внѣшній видъ, безъ сомнѣнія соотвѣтственный собственному его существу и роду. Такъ иногда оно является „звѣремъ багрянымъ, преисполненнымъ именами богохульными“ (17 гл. 3, ...8); видно, что это есть заблужденіе или направленіе

звѣрское, кровожадное, нагло ругающееся всему Божественному и священному. Въ настоящемъ видѣннiи губительное зло является только *дымомъ*: видно, что это есть заблужденіе или безпорядочное направленіе—сколько омрачающее и одуряющее, столько и легкое, суетное, разсѣянное, вообще легкомысленное. Этотъ дымъ, въ отношеніи къ образу сврего проявленія, Тайнозрителемъ уподобляется *дыму печи великія*: въ нравственномъ мірѣ и именно въ грѣховной его области дымящаяся великая печь есть ничто иное, какъ печь разгарающихся страстей и прихотей, возбуждаемыхъ и раздуваемыхъ духами бездны. Какъ густой дымъ помрачаетъ для земли самое солнце и на землѣ воздухъ: такъ при разгарѣ страстей и прихотей въ какой-либо области нравственнаго міра,—суета и легкомысліе, омраченіе умовъ и броженіе безпорядочныхъ желаній не позволяютъ примѣчать даже свѣтлыхъ, какъ солнце, истинъ долга и благоразумія, — простираютъ свою осязаемую тьму на всю среду предметовъ и обстоятельствъ, окружающихъ человѣка подобно атмосферѣ. Это самое или сему подобное, и назnamenовано тѣмъ явленіемъ, что „дымъ бездны помрачилъ солнце и воздухъ“ *омерче солнце и воздухъ отъ дыма студеничнаго*. Итакъ по частямъ объяснено, какимъ образомъ, по видѣннiю св. Апостола, имѣлъ открыться самый источникъ перваго, особенно тяжкаго, горя для міра языческаго: чрезъ примѣненіе къ политической области язычества нѣкоторой свѣтоносной идеи ниспавшей сюда изъ области христіанства, данъ будетъ поводъ и случай силамъ тьмы возбудить и воспламенить страсти, отъ чего и поднимется дымъ легкомысленнаго и омраченнаго броженія умовъ.

Далѣе изображается самое появленіе и дѣйствіе сего горя, какъ видѣлъ то Богословъ Тайнозритель: *и отъ дыма изыдоша пружы на землю, и дана бысть имъ область, якоже имуть область скорпіи земнии: и речено бысть имъ, да не вредятъ травы земныя, ни всякаго злака, ни всякаго древа, но человекы точю, иже не имуть печати Божія на чельхъ своихъ: и дано бысть имъ, да не убьютъ ихъ, но да муку приимуть пять мѣсяцей: и мученіе ихъ, яко мученіе скорпіево, егда уцѣкнетъ человекъ. И въ тыя дни възвѣщуютъ человекы смерти, и не обрящутъ ея: и возжелаютъ умерети и убѣжатъ отъ нихъ смерть*. Символическій характеръ и этого явленія ясно виденъ не только изъ связи съ предыдущею частію видѣннiя, но и въ

сѣмь самомъ видѣніи изъ того, что *прузи* или саранча, въ собственномъ смѣслѣ понимаемая, обыкновенно естественно опустошаетъ поля, дерева, вообще растительное царство, а по видѣнію Іоаннову, саранчѣ не дано вредить растеній, а только людей, и притомъ дано вредить имъ подобно скорпионамъ, а не какъ свойственно саранчѣ. Впрочемъ подъ саранчею нельзя здѣсь разумѣть чисто только злыя силы бездны; ибо она представляется происшедшею не изъ самой бездны, а изъ дыма бездны, и вредъ саранчи долженъ пасть на *живущихъ на землѣ*, т. е. долженъ открыться въ самомъ народномъ составѣ. Будемъ слѣдить символическіе предметы по порядку самаго ихъ явленія

И отъ дыма изыдоша пружи на землю. Эти пружи или саранча и составляютъ причину всего настоящаго *горя* или орудія настоящей казни языческой Римской Имперіи, какъ видно изъ послѣдующаго. Подъ *дымомъ*, изъ котораго выходитъ саранча, разумѣется, какъ выше показано, легкомысленное и омраченное движеніе умовъ, которае имѣло произойти отъ разгара страстей, возбуждаемыхъ темными силами адской бездны. Подъ *землею*, на которой появляется саранча, разумѣется, какъ также извѣстно уже намъ—самое земное устройство и въ настоящемъ случаѣ, именно въ Римской Имперіи. Что же надобно разумѣть подъ самою саранчею? Это уясняется изъ слѣдующихъ соображеній. Во 1-хъ, такъ какъ она, по указанному значенію *дыма и земли*, вышла изъ беспорядочнаго движенія нравственнаго, и явилась губительною силою въ самомъ составѣ государства: то надобно искать этой саранчи не иначе какъ въ людяхъ, и именно такихъ, которые сдѣлались карою государства единственно по причинѣ беспорядочнаго движенія умовъ, и оказались такими въ нѣдрахъ самаго государства. Во 2-хъ пророкъ Іовиль, изображая бѣдствие земли Израильской отъ саранчи и притомъ описывая самую саранчу отчасти такими же чертами, въ какихъ она является и въ видѣніи Тайнозрителя ¹⁾,—

¹⁾ *Зубы его якоже зубове львовъ*, говоритъ пророкъ о полчищѣ саранчи (Іовиль I, 4); *зубы ихъ, яко львовъ быша*, говоритъ о саранчѣ Тайнозритель (IX, 8); *якоже видѣ коней видѣ ихъ*, сказано у пророка и далѣе, *якоже гласъ колесницъ* и проч. (Іовиль II, 4—5), *улюбленія пруговъ*, сказано въ Апокалипсисѣ, *подобно конемъ. гласъ крылъ ихъ, яко гласъ колесницъ* и проч. (Апок IX, 7—9).